

ГАЗЕТНЫЙ ПРОЕКТ «СВ»

«СТРОКИ ПАМЯТИ, ЛИКИ ПОБЕДЫ»

Глубинка... Много ли осталось по России исконно русских, не потерявших своего лица деревень и сёл? На нашей тверской земле они есть. Это из таких деревень парни в солдатских шинелях 75 лет назад сумели остановить фашизм. Разминированы поля, заросли травой фронтовые окопы. Но сколько братских могил и обелисков встало на нашей земле! К 50-летию Победы, в 1995 году, журналисты газеты «Тверская жизнь» подарили оставшимся в живых ветеранам войны, труженикам тыла, солдатским вдовам бесценный подарок - книгу очерков о тех, кто кровью и потом завоёвывал Победу и на полях сражений, и на колхозных полях, и у станков. Эта книга называется «Глубинка». Она включает непритязательные истории о далёкой боевой юности наших славных земляков, живущих в глубинных уголках тверской земли. Она возвращает нас к тем дням, когда на территории области полыхало пожары войны. Она о мужестве солдат и стойкости тех, кто хлебнул оккупации, снабжал фронт продовольствием и водил в прифронтовой полосе составы, делал снаряды и спасал осиротевших ребятшек. Она о величии души наших людей. Среди очерков журналистов «Тверской жизни» есть и рассказы о наших земляках - жителях Сонковского района. Сегодня мы представляем их вашему вниманию.

ИДЁТ СОСТАВ ЗА СОСТАВОМ, ЗА ГОДОМ КАТИТСЯ ГОД

Сейчас стук вагонных колёс стал более мерным, чем во времена паровозной тяги. Ходовые качества современных локомотивов и вагонов гасят сопровождающий составы грохот. Да и паровозы, как и старые железнодорожники, в буквальном смысле на заслуженном отдыхе, на запасном пути.

Для Валентины Григорьевны Кузьминой отставной паровоз как давний друг, с которым познакомилась в шестнадцать лет и была неразлучна многие годы.

В сорок третьем Валентина получила повестку на учёбу. Были сборы недолги, да и учёба краткосрочная - всего две недели, после которой стала кочегаром на паровозе. Девчонок, которые, как говорится, ни ростом, ни плечом, ставили на паровоз по две. Валентину природа не обделила статью и силой, поэтому решили, что она вполне справится и одна. В обязанности кочегара входило перенести из тендора к топке "кубики" в виде метровых, а то и значительно длиннее расколотых пополам брёвен. Этот неженский изнурительный труд не знал ни праздников, ни выходных. Даже короткие передышки были редкостью.

- Только приляжешь, не раздеваясь, на дощатый топчан, - вспоминает Валентина Григорьевна, - слышишь:

"Сонковская бригада, срочно на санитарный поезд!" Да, можно сказать, жили в паровозе, если по восемнадцать суток не выходили из него, например, когда в освобождённую от немцев Вязму тащили состав "холодных" паровозов, голодные и грязные. На месяц давали пол-литра жидкого вонючего мыла. При нашей-то грязной работе разве хватало этого "шампуня"?!
Но на тяготы и лишения жаловаться было некому.

Никакие доводы и причины во внимание не брались. Ушла одна девчонка-кочегар домой в деревню, чтобы взять чего-нибудь из продуктов, да в отведённый срок не уложились. Чётко работающие органы среагировали, чтобы другим неповадно было.

Через год старание и способности Кузьминой заметили и предложили ей учиться на помощника машиниста. Группа состояла из восемнадцати ребят и одной Валентины. Должность помощника профессионально на ступень выше кочегара. Но от обязанностей ворочать чураки не освобождала. Подаваемое кочегарами из тендора это топливо помощник с шатающейся площадкой укладывал в топку. Именно укладывал, чтобы дрова не тлели, а пылали. И делать это надо было, не сводя глаз с манометра, - держать в котле пар.

После очередного рейса из Рыбинска до Бежецка ус-

тавшая так, что еле на ногах стояла, Валентина поинтересовалась у машиниста, сколько спалили кубометров.

- Сто. Кубик в кубик, - ответил он.

Сменивший дрова подмосковный уголь облегчения кочегарам и помощникам не принёс.

- Только за поездку в Пестово надо было перекидать в топку его тонн сорок, - говорит Валентина Григорьевна. - Посмотришь на себя в зеркало - зубы на чёрном лице блестят, как на негативе.

С победного майского дня сорок пятого рейсы по воинской схеме для Валентины закончились. Перешла, как она говорит, на манёвры, то есть на маневровый паровоз. Потом работала стрелочницей.

- Молодые московские машинисты, проезжая, шутили, мол, наверное, на сливках выросла такая румяная, - вспоминает Валентина Григорьевна. - А я и хлеба-то досыта не ела.

В трудовых книжках большинства старых сонковских железнодорожников, как правило, одна давняя запись. Сорок лет не меняла места работы и В.Г.Кузьмина.

- Как состав за составом, катятся годы, - говорит она. - Скоро уже семьдесят. А рельсы-то ведь, как водится, у горизонта сходятся...

Николай СУЧКОВ

Недавно Анна Ивановна на ногах переходила микроинфаркт. Стареется к сердцу своему особо не прислушиваться. А оно иногда так болит и ноет. Особенно после того, как не дожидается обещанного письма от кого-то из фронтовых подружек. Значит, прости-прощай, душа. А так хотелось, чтобы всем остаточком дотянуть до 50-летия Победы. Нет, не ради славы или каких-то запоздалых слов. Просто дата эта как фронтовой рубеж, который хорошо бы всем вместе перейти. А там уж...

Сама себе удивляется Анна Ивановна (по мужу она Уханова): как это помнится столько имён? Не только подруг, но и раненых солдатиков? И лица их ясны, как за чисто промытым стеклом.

Пятого июня 1941 года сдала она последний экзамен за семилетку. Готовилась поступать в медицинское училище в Бежецке. Но... Отца призвали в армию в первые дни войны, мать следом отправили на Ржевское направление рыть окопы. Аня осталась за старшую в доме с двумя малолетками (старшие сёстры жили в Ленинграде), а в колхозе ещё и бригадиром в то лето пришлось быть, больше некому. На счастье, из Ленинграда вскоре приехала старшая сестра Надя, сменила её. В Бежецке Аня закончила краткосрочные курсы медсестёр. Хотела учиться дальше. Не удалось. Пришла как-то в библиотеку, ей там и говорят: "Бушуева, а тебе, говорю, повестка". - "Шутишь, наверное?" - "Какие шуточки, иди в канцелярию, распишись за повестку".

Не обманули. Расписалась, а сама в смятении: надо же домой в Сонково съездить, одежду взять. Попрошиться. Комиссар Колесников не разрешил. До Калинина, сказал, дойдёте, а там всё дадут. В 14.00 комиссия, а через три часа отправка.

Кому пожалуешься? Поплакала Аня потихонечку, что домой не пустили хотя бы на часок, и пошла на фронт. Беззащитная, безответная, почти сирота.

Баба Нюша, квартирная хозяйка, спасибо ей, проводила и денег на кусок хлеба дала. Две её спутницы были постарше, но тоже невелики птахи.

Втроём добрались до Калинина. Здесь их покормили. Сопровождающий довёз до Москвы, назвал номер части. Сами, мол, теперь добирайтесь.

Как добирались - особый рассказ. - Целый месяц три девчонки по военным дорогам скитались. По документам то мы военные, а по одежке гражданские. Придём в деревню - там одни трубы. В зем-

"Я ПОПЛАКАЛА ДА ПОШЛА"

В 16 лет Аня Бушуева стала фронтовой медицинской сестрой. На границе между жизнью и смертью она прослужила 41 год.

Лянки нас не пускают. Дотопали так почти до Белоруссии вслед за своей армией. А она в наступлении. Спасибо, танкисты подбросили, а то хоть в поле погибай с голоду-холоду, - вспоминает Анна Ивановна.

И ведь вот какое чудо: ни у одной не возникло и мысли, что можно и не догонять часть свою. В сознании молодых девчонок накрепко были затверждены слова присяги. Они шли побеждать фашизм.

Командир встретил приветливо: "Давно ждём вас, девчата". А начальник 4843-го полевого подвижного эвакогоспиталя, полковник Анна Васильевна Стасюк отнеслась к сестричкам как добрая мать. Перво-наперво в санпропускник. Там роскошные Анины волосы были, что называется, на волосок от "нулёвки". Так завшивели пичуги, что даже керосин не сразу взял. Когда Аня намазала голову, затянула платком, казалось, сама голова вспухла. Отстояла свои косы толстой в руку, жаль расставаться.

Наутро прибранная в мужскую одежду Аня переступила порог хирургического отделения. И не с той ли поры считает: хирургия - лучшее место в медицине (будь мир и достаток - обязательно бы выучилась на хирурга, по сей день жалеет).

Анна Ивановна без прикрас, очень откровенно рассказывала, как непросто было ей вжиться в военный быт. Хорошо, старшая медсестра вовремя всё подсказывала. Ведь представим: прямо в лесу стоят огромные палатки. В них нары в два "этажа". Как пойдут бои - до трёхсот человек сразу привозят. Тут тебе и "черепники", и "брюшники", и с изрешечёнными руками-ногами. А если ещё представить, что в армии у Рокоссовского воевали штрафники... Не думайте ничего плохого, уважаемый читатель. При "нашей Аннушке" ни слова грубости, ни тем более мата. Если, конечно, человек был в памяти.

Сутки, двое, трое... Пока не свалишься, руки привычно делают своё дело. Отдыхали в такие дни часа по три, не более. А медицинская строгость была такой, что, если крошка у больного на постели обнаружат, считай, ЧП. Обычно на нары настилали стружек или соломы, а простыни поверх гвоздиками приколачивали, чтобы

всё было в струночку, без складок.

- А какая охота шла за госпиталиями! Бомбил их немец нещадно. Помню, под Белостоком ждём артистов. Слышим - самолёт. Оказалось, не один да не наши. Как пошли спать! Раненые кто в шинях, кто в гипсе падают на пол, прячутся под нарами. Нам от стола нельзя отойти. Хорошо, что бомбы ударились о вершины деревьев и там рвались. Но и нам доставалось, - рассказывает А.И.Уханова.

Так с Третьим Белорусским до Германии дошла. Три зимы и три лета не снимала гимнастёрки и солдатских сапог. На три замка запирала слёзы, а они, случилось, предательски текли от усталости, от жалости и бессилия.

Кенигсберг брали штурмом. Там ночью стало, как днём, светло, весь ужас войны как на ладони.

Без света, на телегах везут и везут раненых. Очередь, врачи не успевают оперировать. Раненые исходят кровью и матом. Сколько тогда медички крови своей сдавали! У Ани первая группа, чуть что - в операционную, на тяжёлый случай брали по 500 граммов. Потом вставай - и за дело.

В чём душа держится - одни глаза! А засматривались, поди, солдатики-то? Не смутит этот вопрос Анну Ивановну. И то понять надо - дело молодое, но строгость блюла неприступную. Разве что улыбнёшься кому лишний раз - и то других обидишь. А им вскоре на смерть. Бывало, правда, лукавила, но это в особых случаях. До сих пор помнит паренёчка Володю Самойлова:

- Лежал израненный. Только из училища. У него началась газовая гангрена, нестерпимая боль. Я ввожу ему для облегчения жидкость Петрова (она на спирту). Захмелел Володя, взял за руку: "Анечка, милая, только не отправляй меня никуда. Кончится война, мы с тобой в Казахстан, ко мне на станцию Джусалы, уедем. Сады там какие, Анечка, ты посмотришь".

А сестричка только и смогла сказать: "Конечно, поедем!" Видела - не жилец. И вообще к концу войны по одному только взгляду раненого научилась понимать, сколько тому отпущено. Каждого было жаль, каждого помнит пофамильно:

- Как-то боец Черемных говорит: сосед сам гипс вспорол. Подхожу - и правда. Терпеть, говорит, больше не могу, весь ведь скручен. А что делать? Загипсовали - он опять разрезал. Не вынес...

Из Германии дорога предстояла на другую войну, японскую. В Иркутском гарнизонном госпитале пробыла до капитуляции Японии. Оттуда уж домой.

Декабрь 1945 года, пожалуй, единственный месяц, когда она дома отоспалась. Потом заврайздравом Клавдия Семёнова Смирнова предложила работу в Беляницкой больнице. Там врачом работала Антонина Ивановна Климова, человек строгий и сердечный. Приютила. Давали тогда по 400 граммов овсяных высевок. Зарплата - 220 рублей. Здесь и с будущим мужем познакомилась. Уже после свадьбы учиться на фельдшера уезжала, да ей, фронтовичке, и в институт можно было бы пойти. Только кто же помогать будет? Ведь жили не просто бедно, считай, голодали. А работы и здесь было море. Так мечтала хоть на кулаке выспаться!

Я всё допытывалась, когда у Анны Ивановны первое нарядное платье появилось. Такое, чтобы её награды на нём особенно засветились. Она как-то ушла от ответа. А вспомнила о первых послевоенных туфлях. Сдала кровь, подкопила денег и купила лодочки за 700 рублей - на каблучках! Праздничные. Пошла как-то в Бежецк. Дождь застал в пути. И отвалились каблучки. Сейчас смешно, а тогда уж поревела!

Жили с мужем Василием в комнатке на территории больницы. Сына Василька в ясли не водили. С собой брала - в окошко приглядывала за ним. Выздоровившие его любили. Учился сын хорошо, жизнь налаживалась.

- А работать я всегда в хирургии любила. Там какая-то особая атмосфера. И строгость я люблю во всём, что касается человека. Ведь шуточные ли дела - в тело вторгаться! - говорит Анна Ивановна.

Со своими девчатами из полевого госпиталя не виделась давно. Уж и письма от них всё реже и реже. Начальник госпиталя Анна Васильевна Стасюк всё в гости зовёт в своё Кунцево. Собирается съездить Анна Ивановна, хоть у хозяйства, у своих овечек непросто отпуск взять. А побывать надо. Повспоминать всех, кому когда-то была за мать, невесту и сестру. Может быть, их души отзовутся, как тогда в лесу прифронтовом?

Кира КОЧЕТКОВА